СЕРИЯ «МАЛЕНЬКИЕ ТАЙНЫ БОЛЬШОГО СЧАСТЬЯ»

МАРУСЯ ЕВИНА

КНИГА 5

БИЛЕТ ДО ПОРТОФИНО

Роман о попутном ветре, тайнах бирюзовой бухты, вкусе соленого прибоя и смелости следовать своему истинному компасу

18+

2026

Маруся Евина
Билет до Портофино книга 5

https://litres.ru/75047714
SelfPub; 2026

Аннотация

В кафе синьоры Марты на знаменитой деревянной доске историй появляется старинный латунный мореходный компас с бирюзовым шелковым шарфом и билетом на классическую деревянную яхту «Stella del Mare» в Портофино.

Случайная находка уводит художницу Веру Лаврову, архитектора-реставратора Луку Беллини и их верную кане-корсо Еву из привычной Белла-Виста навстречу бирюзовым волнам залива Тигуллио. В живописной гавани Портофино старый капитан Алессандро Моретти пытается спасти семейную верфь и легендарное парусное судно 1930-х годов от забвения и сноса под коммерческий бетонный мол.

«Билет до Портофино» — вдохновляющий роман о попутном ветре, смелости отдать швартовы навстречу неизвестности и обретении истинной свободы рядом с любимым человеком.

Пятый роман авторского романтического цикла Маруси Евиной «Маленькие тайны большого счастья». Каждая книга серии — самостоятельная история со счастливым законченным финалом.

Содержание

Пролог. Латунный компас и шепот прибоя 5
Часть I. Зов открытого горизонта 11
Глава 1. Утренний бриз на площади Сан-Лоренцо 12
Глава 2. Тайна старого капитана 20
Глава 3. Дорога вдоль бирюзовых мысов 27
Глава 4. Пьяцетта Портофино: соленый воздух и яркие фасады 34
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Маруся Евина
Билет до Портофино книга 5

«Каждому кораблю нужен причал, чтобы набраться сил, но истинная жизнь начинается там, где поднимаются паруса. Настоящее счастье пахнет морской солью, нагретым кедром палубы и смелостью доверить штурвал своей судьбы тому, с кем не страшен никакой шторм».

Маруся Евина

Пролог. Латунный компас и шепот прибоя

«Каждому кораблю нужен причал, чтобы набраться сил, но истинная жизнь начинается там, где поднимаются паруса. Настоящее счастье пахнет морской солью, нагретым кедром палубы и смелостью доверить штурвал своей судьбы тому, с кем не страшен никакой шторм».

Утренний свет над Белла-Виста в конце мая был прозрачным и чистым, точно промытый ключевой водой аквамарин.

Воздух на набережной пах цветущим жасмином, влажным прибрежным песком и нагретой солнцем сосновой смолой. Внизу, у основания старого мола, лениво перекатыва-

лась сапфировая волна, оставляя на белых круглых голышах кружевную кайму пены. Ласточки с веселым щебетом стремительно проносились под черепичными козырьками крыш, купаясь в золотистых косых лучах восходящего солнца.

Вера Лаврова поднималась по каменным ступеням к площади Сан-Лоренцо легким, неторопливым шагом.

Рядом, ступая мягко и бесшумно, точно пантера, шла Ева. За прошедшие месяцы молодая черная кане-корсо заметно подросла, налилась благородной силой и грацией. Ее атласная смоляная шерсть переливалась на солнце зеркальным блеском, а широкая грудь с белой отметиной-звездочкой мерно вздымалась в такт утренней пробежке. Завидев уличного кота, мирно дремавшего на кованом балконе цветочной лавки, собака лишь с достоинством повернула голову, на секунду замедлила шаг и гордо зашагала дальше, не отходя от края легкого хлопкового платья Веры ни на шаг.

У входа в кафе «Da Marta» уже стояли выставленные на мостовую круглые столики с коваными ножками.

Синьора Марта накрахмаленным белоснежным полотенцем протирала латунную стойку кофемашины. Из открытых стеклянных дверей террасы плыл божественный аромат: свежесмолотая темная арабика смешивалась с запахом горячей слоеной выпечки с инжиром и нежной рикоттой.

— Бонджорно, Вера! Бонджорно, красавица Ева! — хозяйка кафе радушно улыбнулась из-за стеклянной витрины, где ровными рядами лежало свежее миндальное печенье.—

Твой эспрессо уже варится, кара. А для нашей верной защитницы у меня приготовлена аппетитная сахарная косточка от утреннего жаркого.

Ева приветливо вильнула гладким хвостом, коснулась влажным носом теплой ладони Марты и с королевским спокойствием улеглась на выбеленный солнцем деревянный настил террасы, положив голову на передние лапы.

Вера подошла к массивной дубовой доске историй, висевшей на стене кафе у самого входа.

Сколько удивительных человеческих судеб соединила эта старая деревянная панель, обтянутая зеленым сукном. Здесь висел латунный ключ от виноградных террас Маттео и Джулии, серебряный медальон смотрителя маяка Якопо и благодарственная открытка от синьора Флавио с изображением спасенной «Виллы Лимоне». Каждая вещь была немой свидетельницей маленького чуда, родившегося из искренности, терпения и веры.

И вдруг взгляд Веры остановился на новом предмете, закрепленном в самом центре сукна.

Утренний морской бриз тихо шевелил струящуюся ткань широкого шелкового шарфа. Это был редчайший, завораживающий оттенок — цвет глубокой бирюзовой воды в скалистых расщелинах Портофино, когда солнце стоит в самом зените. Шелк переливался прохладными искрами, словно в его складках запуталась сама морская волна.

К шарфу витым шнуром из просмоленного пенькового ка-

ната был прикреплен старинный карманный компас.

Его массивный латунный корпус потемнел от времени и соленых брызг, но полированное стекло с фацетом сверкало безупречной чистотой. Под стеклом чутко покачивалась гравированная серебряная стрелка, указывая строго на север, в сторону Генуэзского залива.

А прямо под компасом лежал плотный картонный билет с золотым тисненым гербом.

Вера сделала шаг ближе и тихо прочла изящные латинские буквы:

«Yacht Club Italiano. Yacht di legno "Stella del Mare". Destinazione: Portofino».

Она осторожно коснулась прохладного металла компаса. В тот же миг за спиной раздались знакомые, уверенные шаги.

Лука подошел неслышно, бережно положив руки ей на плечи. От него пахло свежей утренней прохладой, можжевельником и тем особым, волнующим мужским теплом, рядом с которым Веру всегда охватывало чувство абсолютной безмятежности.

— Ты чувствуешь, Вера? — тихо спросил Лука, глядя поверх ее головы на покачивающуюся латунную стрелку. В его глубоком, спокойном голосе прозвучала неожиданная, незнакомая Вере нота мальчишеского трепета.

— Этот компас пахнет морем,— обернулась к нему Вера, заглядывая в его серые глаза.— И настоящим штормом. Откуда он здесь, Лука?

Лука осторожно приподнял билет, перевернул его и прочитал надпись на обороте:

«Тому, кто устал плыть по течению чужих ожиданий.

В бирюзовой бухте Портофино у старого деревянного причала ждет яхта под белыми парусами. Если ваше сердце готово отдать швартовы и довериться попутному ветру — сделайте шаг навстречу истинной свободе...»

Лука замер. Его пальцы, привыкшие к реставрации древних фресок и каменных арок, бережно обвели золотой тисненый силуэт парусника.

— «Stella del Mare»,— полушепотом произнес он, и в его взгляде вспыхнуло давнее, бережно хранимое воспоминание.— Я знаю это судно, Вера. Бермудский двухмачтовый кеч тридцать четвертого года постройки. Ее корпус собран из цельного лигурийского дуба и бирманского тика на верфи старого Алессандро Моретти. Когда я учился архитектуре в Генуе, мы часами пропадали на его причале, вдыхая запах смолы и льняной олифы. Это не корабль, это поэма из дерева и парусины. Но верфь Моретти много лет считалась заброшенной.

— Синьор Алессандро сам оставил эту вещь у нас,— мягко проговорила Марта, выходя на террасу с двумя фарфоровыми чашками на серебряном подносе.— Старый капитан приезжал вчера на закате. Он выглядел усталым и очень одиноким. Городские девелоперы хотят снести старый деревянный пирс в Портофино, чтобы построить причал для мотор-

ных катеров богатых туристов. «Стеллу» собираются продать на слом за долги по стоянке. Старик сказал мне: «Марта, если среди твоих гостей найдется хоть одна живая душа, умеющая отличать благородное дерево от бездушного пластика, — отдай им этот компас. Корабль должен жить, пока живо море».

Вера посмотрела на латунный прибор. Стрелка компаса замерла, указывая путь за скалистый мыс, туда, где за изгибами Лигурийского берега пряталась знаменитая бухта Портофино.

Ева встала, подошла к Луке и Вере и тихо положила большую теплую голову на ладонь архитектора, тихонько вздохнув, словно подтверждая: решение уже принято.

— Ну что, Вера? — Лука посмотрел на нее с той теплой, зовущей улыбкой, от которой у нее всегда сладко замирало сердце.— Ты готова поднять паруса?

Вера улыбнулась, провела кончиками пальцев по лазурному шелку шарфа и сделала глубокий вдох, наполненный соленым ветром:

— Я готова идти за твоим курсом, Лука. В самый открытый горизонт.

Часть I. Зов открытого горизонта

t{Зов открытого горизонта}

Глава 1. Утренний бриз на площади Сан-Лоренцо

«Иногда одно маленькое решение способно изменить весь горизонт. Достаточно позволить ветру коснуться лица, перестать оглядываться на пройденные мили и смело сделать шаг навстречу тому, что зовет твое сердце».

Утренний колокольный звон базилики Сан-Лоренцо разливался над залитой солнцем площадью, заставляя сизых голубей взмывать в синеву над древними каменными аркадами.

Приморский городок Белла-Виста просыпался медленно, с тем неповторимым южным достоинством, когда каждая

минута кажется наполненной сладкой дремотой и теплом нагретого известняка. Владелец лавки свежей зелени синьор Антонио с привычным бодрым грохотом выкатывал на вымытую брусчатку деревянные ящики с персиками, спелыми помидорами сан-марцано и темно-фиолетовыми глянцевыми баклажанами, приветственно приподнимая холщовую кепку перед редкими утренними прохожими. С набережной доносился ровный, размеренный рокот моторов рыбацких баркасов, возвращавшихся с ночного лова в заливе, а чайки лениво покачивались на лазурных волнах у старого мола, высматривая серебристую кильку.

Вера Лаврова держала в руках тяжелый латунный мореходный компас, снятый с деревянной доски историй в кафе синьоры Марты.

Его полированный металл быстро согревался в ее ладонях, отдавая накопленное за долгие десятилетия морское тепло. Под круглым толстым стеклом с тонким граненым фацетом покоилась картушка слоновой кости с гравированной розой ветров. Серебряная стрелка слегка вздрагивала при каждом движении, неизменно возвращаясь на север — в сторону крутых скалистых мысов, за которыми пряталась знаменитая бирюзовая бухта Портофино. По краю медного обода тончайшим штихелем была вырезана старинная латинская фраза: *«Respice stellam, voca Mariam»* — древнее напутствие лигурийских мореплавателей, призывавшее доверять путеводной звезде среди ночных волн.

Рядом, прислонившись бедром к резным перилам террасы кафе, стоял Лука.

Его взгляд был устремлен вдаль, за белую линию волнореза, где сапфировая гладь Лигурийского моря плавно сливалась с перламутровым утренним небом. В благородном профиле архитектора сквозило то особое, сосредоточенное выражение, которое Вера успела изучить до мельчайших черточек: когда в его душе зарождалась новая смелая идея, темные брови чуть сдвигались к переносице, а в уголках серых глаз цвета морского тумана вспыхивали теплые искорки.

— Я словно вернулся на двадцать лет назад,— негромко произнес Лука, протягивая руку и бережно касаясь пальцем витого шнура, связывающего компас со струящимся бирюзовым шелковым шарфом.— Первый курс Генуэзского политехникума. Мы, мальчишки с архитектурного факультета, вечерами сбегали в старый порт и на верфи Ла-Специи. Большинство преподавателей учили нас рассчитывать типовые железобетонные балки и современные стеклопакеты, а старый капитан Алессандро Моретти в своей мастерской учил слушать живую душу дерева. Он повторял: «Бетон молчит, камень терпит, а дерево дышит. Корабль из дуба и тика помнит тепло солнца тех далеких веков, когда эти деревья шумели в горных лесах».

— И ты строил с ним корабли?— с искренним любопытством спросила Вера, заглядывая в его лицо и чувствуя, как его рука тепло накрывает ее пальцы.

— Скорее, учился благоговеть перед ними,— тепло улыбнулся Лука, повернувшись к ней и заглянув в ее ясные глаза.— Я помогал конопатить палубу смоляной паклей, шлифовать мачты и подгонять изогнутые шпангоуты. «Stella del Mare» была его главным детищем, лебединой песней старой верфи. Этот двухмачтовый кеч построили в тридцать четвертом году по заказу одного генуэзского дипломата, страстно влюбленного в классический парусный спорт. Корпус из отборного лигурийского дуба, обшивка из бирманского тика, бронзовые кницы ручной ковки. На ней нет ни одного случайного гвоздя. Когда капитан Алессандро выходил на ней в открытый залив, казалось, что над водой парит белоснежная морская птица, а не тридцать тонн тяжелого мореходного дерева.

В этот момент на террасу мягко ступила Ева.

Черная молодая кане-корсо подошла к Вере, положила свою гладкую, шелковистую голову ей на колени и заглянула снизу вверх своими бездонными янтарными глазами. На ее шее слегка позвякивало металлическое колечко от кожаной шлейки, а белая звездочка на широкой мускулистой груди ярко выделялась на фоне смоляной шерсти. Почувствовав ласковую руку хозяйки на загривке, собака блаженно прикрыла веки и шумно вздохнула.

— Ева согласна с каждым словом,— с легким смехом заметила Вера, перебирая пальцами короткую бархатную шерсть за чуткими ушами любимицы.— Посмотри на ее

осанку: в прошлой жизни она наверняка сопровождала каравеллы генуэзских мореходов.

— Это живет в ее крови,— поддержал шутку Лука, присев на корточки рядом с собакой и ласково потрепав ее по крепкой холке. Ева тут же повернула морду и благодарно лизнула его в запястье.— Порода кане-корсо издревле считалась в Италии истинным другом моряка. Эти собаки ходили на баркасах, оберегали причалы и понимали человека с полувзгляда. Если мы возьмем ее с собой на борт, она быстро покажет местным чайкам, кто здесь главный адмирал побережья.

Синьора Марта тем временем вынесла на столик свежезаваренный кофе в тонких фарфоровых чашках и плетеную корзинку с горячей лигурийской фокаччей, щедро посыпанной крупной морской солью и душистым горным розмарином.

— Раз уж вы заговорили о путешествии, подкрепитесь, мои дорогие,— с мягкой материнской заботой сказала хозяйка кафе, вытирая руки о кружевной край передника.— В Портофино дорога вьется серпантином над обрывами, аппетит на соленом воздухе разгорается быстро. Капитан Моретти стареет, руки у него золотые, но одному сладить с таким хозяйством трудно. Ему нужна свежая сила, чистый взгляд и люди, способные вернуть паруснику веру в жизнь.

Вера отломила кусочек пышной, ароматной фокаччи.

Золотистая корочка аппетитно хрустнула, обнажая пористый, пропитанный оливковым маслом мякиш. Вкус был

простым, глубоким и до боли родным — вкус Лигурии, ставший за эти счастливые месяцы неотъемлемой частью ее собственного сердца. Всего год назад она была потерянной, испуганной женщиной, бежавшей от обломков разбитого брака. А сегодня ее окружали преданные друзья, любимый мужчина и верная собака, готовые идти за ней на край земли.

Она посмотрела на Луку. В его взгляде светилось зрелое, рыцарское стремление спасти прекрасное творение человеческих рук от забвения и гибели.

— Знаешь, о чем я подумала, глядя на эту стрелку?— тихо спросила Вера, пригубив горячий эспрессо с бархатистой золотистой пенкой.— До встречи с тобой я жила так, будто ориентировалась по чужим картам. Люди вокруг говорили мне, что правильно, чего стоит желать, к какому берегу приставать. Но на чужих картах никогда не отмечены рифы твоего собственного сердца. И только здесь, слушая море и доверяя тебе, я поняла: настоящий компас находится не в латунной коробочке, а внутри нас. Он начинает звенеть в груди в тот миг, когда ты перестаешь бояться быть собой.

Лука посмотрел на нее с такой глубокой нежностью, что у Веры перехватило дыхание. Он осторожно взял ее руку, поднес к губам и поцеловал каждый пальчик:

— Ты удивительно точно чувствуешь суть вещей, Вера. Моретти часто повторял: шторм страшен только тому рулевому, кто забыл, куда плывет. Пока в твоем сердце горит огонь любви, ни один встречный шквал не собьет судно с

курса.

— Сколько времени займет дорога?— с улыбкой спросила Вера.

— Около полутора часов на машине вдоль залива Тигуллио,— ответил Лука, и его лицо озарилось открытой, радостной улыбкой.— Проедем через живописные городки Рапалло и Санта-Маргериту. Я заеду в мастерскую, заберу старый кожаный саквояж с дедушкиными плотницкими инструментами, бронзовый штангенциркуль, запас тикового масла и альбомы чертежей. А ты возьмешь свои любимые акварели и большой мольберт.

— И морские кисти из куньего волоса,— подхватила Вера, чувствуя, как внутри разгорается легкое, волнующее предвкушение неизведанного пути.— Я давно мечтала написать Портофино не с открытки, а с воды — так, как видит его птица или моряк, входящий в тихую гавань на закате.

Перед тем как сесть в машину, они спустились на несколько минут к самой кромке прибоя.

Ева с упоением носилась по влажному серому песку, взметая лапами хрустальные брызги прибрежной пены. Она забавно облаивала набегающие мелкие волны, фыркала, отряхиваясь, и возвращалась к Вере, прижимаясь мокрым прохладным боком к ее льняному платью. В воздухе стояла та кристальная утренняя чистота, когда каждый звук — шелест гальки, крик далекой чайки, звон церковного колокола — кажется обещанием тихого и безмятежного счастья.

Солнце поднималось все выше, заливая золотом старую колокольню и белые треугольники далеких парусов на горизонте. Час сомнений остался позади. Впереди их ждала дорога вдоль скалистых берегов, соленый ветер залива и благородный деревянный парусник, замерший в бирюзовой бухте в ожидании своего нового рассвета.

Глава 2. Тайна старого капитана

«Есть люди, в чьих ладонях застыло само время. Их морщины хранят память о великих штормах, а глаза смотрят так глубоко, будто видят за горизонтом то, о чем суетливый мир давно успел забыть».

Пока утренняя площадь Сан-Лоренцо наполнялась мягким гулом просыпающегося города, синьора Марта присела за столик к Вере и Луке.

Хозяйка кафе оправила кружевной край передника и положила перед ними сложенную вдвое пожелтевшую фотографию в тонкой серебряной рамке. С черно-белого снимка, сделанного добрых полвека назад, смотрел статный молодой моряк в кителе с золотыми пуговицами: густая копна смоля-

ных волос, обветренное лицо, открытая мальчишеская улыбка и рука, уверенно лежащая на полированном ободе штурвала. За его спиной на фоне крутых скал Портофино гордо вздымались две стройные мачты с белоснежными парусами.

— Это Алессандро в день спуска «Стеллы» после первой большой послевоенной регаты,— тихо произнесла Марта, и в ее голосе прозвучала та особая, щемящая нежность, с которой говорят о дорогих друзьях юности.— Семья Моретти держала верфь на мысе больше двух столетий, с тысяча семьсот восемьдесят второго года. Его прадед строил баркасы и фелуки для генуэзских рыбаков, отец восстанавливал парусники после великих штормов, а сам Алессандро знал каждый риф и каждую подводную банку в заливе Тигуллио как свои пять пальцев.

Она смахнула невидимую пылинку с серебряной рамки и задумчиво посмотрела на море:

— В молодости он ходил кадетом на легендарном парснике «Америго Веспуччи». Обогнул весь земной шар, видел ледяные шторма мыса Горн и тропические ливни Индийского океана. На флоте его звали «Капитан Золотые Руки»: он умел на слух определить натяжение каждой снасти в темноте и по легкому крену борта чувствовал приближение шквала за добрых полчаса. Я помню, как в шестьдесят восьмом году на празднике Stella Maris в Портофино он кружил меня в вальсе на деревянной набережной... Еще до того, как я встретила своего Карло. Вся набережная аплодировала его

статной фигуре.

— Он ушел на пенсию капитаном дальнего плавания?— спросила Вера, вглядываясь в ясные глаза молодого морехода на снимке.

— Тридцать лет он водил торговые суда через океаны,— кивнула Марта.— Обогнул мыс Горн, видел ледяные штормы Северной Атлантики и тропические ливни у берегов Бразилии. Но куда бы ни заносила его судьба, мыслями он всегда возвращался в свою маленькую бухту. Каждый заработанный франк, каждую лиру он вкладывал в верфь и в «Стеллу». Это судно было для него живой душой, памятником отцу и символом верности родному берегу. Когда семь лет назад ушла из жизни его супруга, донна Кьяра, парусник остался его единственной связью с прошлым.

Лука осторожно приподнял серебряную рамку, вглядываясь в детали рангоута на старом снимке.

— В Генуе ходили легенды о его мастерской,— подтвердил архитектор.— Говорили, что Алессандро отбирал лигурийский дуб для киля в лесах Апеннин только зимой, в новолуние, когда соки в стволах засыпают и древесина обретает плотность слоновой кости. Он вымачивал доски в морской воде по три года, чтобы они не боялись соли и древоточца. А для палубы привозил бирманский тик, который пахнет кожей и выдерживает полувековые тропические ливни. Сейчас так уже никто не строит. Современным корпорациям нужен пластик, стекловолокно и быстрая прибыль.

— Именно в этом и кроется беда,— с горечью вздохнула Марта.— В прошлом году муниципальный совет Портофино сдал набережную в концессию крупному инвестиционному фонду из Милана. Новые хозяева хотят снести старые эллинги, расширить бетонный мол и устроить плавучую марину на сотню моторных яхт для богатых туристов. А старый причал Моретти мешает их планам. Алессандро выставили астрономический счет за аренду акватории, накопились долги за стоянку. Через две недели совет намерен наложить арест на судно и передать его на утилизацию под пилы рабочих.

Вера почувствовала, как внутри нее поднимается горячая, протестующая волна.

Она вспомнила, как год назад стояла перед заколоченными ставнями заброшенного пансиона «Монте-Маре», как жители Белла-Виста вместе отстаивали виноградные террасы «Виллы Роза» и вековые лимоны синьора Флавио. В Италии красота и память всегда держались на людях, готовых встать на защиту родной земли вопреки бездушным законам сиюминутной наживы.

— А его семья? Неужели у него никого не осталось?— спросила Вера.

— Внучка Нина,— ответила Марта.— Чудесная девочка, ей нет еще тридцати. Она морской биолог, работает в национальном морском парке Портофино. Нина изучает подводные луга посидонии и колонии благородного красного коралла, который чудом уцелел на подводных скалах мыса. Если

на месте верфи зальют тонны бетона и начнут швартовать скоростные катера с мощными моторами, винты уничтожат подводную экосистему, формировавшуюся столетиями. Нина бьется за верфь изо всех сил, но что может сделать молодая исследовательница против своры юристов строительного консорциума?

Марта развела руками и промокнула уголок глаза кружевным платком:

— Алессандро вчера приехал сюда на вечернем рейсовом катере совсем поникшим. Он оставил этот компас и билет, сказав: «Марта, я чувствую, что мое время вышло. Если найдется тот, кто сумеет поднять паруса «Стеллы» в последний раз, — пусть она уйдет в море, а не под пилы рабочих на слом».

Лука медленно поднялся из-за стола. Его плечи расправились, в осанке появилась та несокрушимая, спокойная мужская решимость, которую Вера так ценила и любила.

— Мы не позволим распилить «Стеллу»,— твердо произнес архитектор.— Я знаю морской регламент Лигурии. Если судно признается действующим памятником традиционного мореходства и проходит технический регистр на плавучесть до праздника Stella Maris, муниципалитет не имеет права налагать арест. По закону об историческом наследии девятнадцатого века его обязаны включить в реестр культурного достояния региона.

— Но для этого она должна выйти в море под парусами,—

тихо заметила Вера.

— Именно. Мы снимем чехлы, переберем бегучий такелаж, проверим обшивку и поднимем грот и бизань. А ты, Вера, покажешь людям душу этого корабля на своих картинах. Когда жители побережья и пресса увидят «Стеллу» живой, ни один чиновник не посмеет подписать приказ об уничтожении верфи.

Ева, словно почуяв торжественность момента, поднялась на ноги, подошла к Луке и коротко, звучно тявкнула, стукнув хвостом по ножке плетеного кресла.

Марта благодарно улыбнулась, и в ее глазах блеснули теплые слезы. Она достала из-под стойки плетеную дорожную корзинку, накрытую вышитой салфеткой.

— Я знала, что могу доверить компас вашим рукам. Возьмите в дорогу: здесь сухие кантуччи с миндалем, сыр пекорино, бутылка ключевой воды и мешочек с лавандой от Агаты с маяка. Пусть этот аромат оберегает вас в пути.

Вера обняла хозяйку кафе за теплые плечи, вдохнув знакомый запах корицы и домашнего уюта:

— Спасибо, Марта. Мы вернемся с добрыми вестями. Наш парусник обязательно выйдет в открытое море.

Спустившись к набережной, они подошли к темно-синему винтажному автомобилю Луки. Лука открыл багажник, аккуратно уложил деревянный ящик с инструментами, плотницкие стамески, мотки просмоленного пенькового троса, банку натуральной канифоли и объемистую папку с чистой

плотной акварельной бумагой. Ева с ловкостью горной косули запрыгнула на заднее сиденье, заняв свое привычное почетное место у открытого окна.

Мотор глухо заурчал, машина мягко тронулась по брусчатке и выехала на прибрежное шоссе, навстречу слепящему солнцу и соленому ветру залива Тигуллио.

Глава 3. Дорога вдоль бирюзовых мысов

«Дорога вдоль моря обладает удивительным свойством: с каждым поворотом серпантина она смывает накопившуюся пыль сомнений, оставляя в душе только чистый синий простор и трепет перед неизведанным».

Старая прибрежная трасса Аурелия вилась лентой между отвесными известняковыми скалами и слепящей лазурью Лигурийского залива.

Теплый майский ветер врывался в приоткрытые окна автомобиля, принося густые запахи нагретой хвои алеппской сосны, дикого горного тимьяна и прохладной йодистой со-

ли прибоя. Солнце стояло высоко, заливая волны миллионами дрожащих золотых искр. Далеко внизу, у самого подножия утесов, морская вода переливалась всеми оттенками драгоценных камней: от прозрачного аквамарина на песчаных отмелях до глубокого, бархатного сапфира над бездонными впадинами.

Ева положила широкую морду на бархатную обивку двери, с упоением втягивая носом богатые ароматы побережья.

Ее бархатные уши забавно трепетали на ветру, а янтарные глаза сияли неподдельным восторгом первооткрывателя. Когда дорога ныряла под очередную каменную арку древнего акведука, собака на миг настораживалась, поворачивая голову к Вере, но стоило машине снова вынырнуть на залитый светом карниз над морем, как гладкий хвост кане-корсо довольно постукивал по кожаному сиденью.

Вера откинулась на спинку кресла, любуясь проплывающими за окном панорамами.

Справа промелькнули нарядные разноцветные виллы Кьявари с их пышными субтропическими садами, раскидистыми веерными пальмами и кустами алых бугенвиллей, свешивающихся с кованых оград. Чуть дальше раскинулся полукруглый залив Рапалло, усеянный белыми треугольниками парусов, за которым начинались лесистые кручи мыса Портофино. Вдоль обочин тянулись вековые каменные кладки из серого песчаника, поросшие мелкими сиреневыми колокольчиками и диким каперсом, чьи нежные белые цветы

с длинными тычинками раскрывались навстречу морскому дыханию.

У небольшого смотрового карниза над обрывом Лука притормозил машину.

— Давай сделаем небольшую паузу, Вера,— предложил он, заглушив двигатель.— Отсюда открывается лучший вид на залив Тигуллио перед самым въездом на полуостров. К тому же Еве нужно размять лапы.

Они вышли на прогретую солнцем каменную площадку. Ева тут же спрыгнула следом, с наслаждением потянулась всем своим гибким мускулистым телом и подошла к невысокому каменному парапету, с интересом разглядывая кружащих внизу чаек.

Воздух здесь звенел от стрекота цикад. Внизу, разбиваясь о прибрежные скалы, глухо рокотала волна, оставляя на камнях кружева белоснежной пены.

Вера подошла к парапету и положила ладони на шершавый, нагретый солнцем камень. В нескольких милях к югу, на узком скалистом выступе среди темной зелени кипарисов, виднелись монументальные башни аббатства Червара — древнего бенедиктинского монастыря четырнадцатого века, где когда-то томился в плену французский король Франциск Первый после битвы при Павии.

Она взглянула на Луку. Его сильная фигура в простой льняной рубашке цвета топленого молока выглядела удивительно гармонично на фоне этой суровой и прекрасной при-

роды. В этом человеке всегда жила редкая внутренняя основательность: рядом с ним мир вокруг переставал казаться хаотичным и хрупким. За тот год, что они были вместе, Вера забыла, что такое ночная тревога или разъедающее чувство одиночества. Но сейчас, глядя на бескрайний морской простор, она впервые почувствовала, как в их устоявшийся, гармоничный мир входит нечто новое — зов открытой стихии, зов смелого и вольного движения вперед.

— О чем ты думаешь, Вера?— спросил Лука, бросив на нее мягкий, внимательный взгляд и бережно обняв за плечи. Его пальцы мягко скользнули по ее ключице, согревая кожу.

— Думаю о том, как удивительно устроено человеческое сердце,— отозвалась она с теплой улыбкой, прислонившись к его груди и слушая мерный, спокойный стук его сердца.— Когда я только приехала в Белла-Виста после развода, мне казалось, что предел моих мечтаний — просто закрыться в маленькой комнате с видом на море, чтобы меня никто не трогал и не причинял боли. Я искала убежища, тихой пристани. А теперь... смотрю на этот залив и понимаю, что мне мало просто стоять на берегу. Мне хочется подняться на борт, почувствовать, как судно кренится под ветром, и увидеть, что скрывается за тем далеким мысом.

Лука улыбнулся, и в его взгляде вспыхнула глубокая, понимающая нежность. Он накрыл ладонь Веры своей теплой, сильной ладонью и слегка сжал ее пальцы:

— Это самый верный признак того, что твоя душа окон-

чательно исцелилась,— тихо сказал он.— Человек, которому больно, прячется в гавани. Человек, обретающий силу, расправляет паруса. Портофино хранит в себе удивительную глубину. Туристы с палуб круизных лайнеров видят лишь нарядный курортный фасад, но за ним скрывается древняя деревня рыбаков и лоцманов, спрятанная в расселине скал. Там скалы уходят вертикально в воду на глубину сорока метров, а воздух пропитан легендами о генуэзских мореплавателях. Если «Stella del Mare» примет нас, ты увидишь свет, которого нет больше нигде на побережье.

Они вернулись в машину, и дорога повела их дальше, огибая живописные бухты.

Машина миновала элегантную набережную Санта-Маргерита-Лигуре с ее пастельными фасадами цвета охры и терракоты, мраморными фонтанами и раскидистыми пальмами вдоль полосы прибоя.

Отсюда начиналась самая узкая и захватывающая дух часть пути. Дорога сжалась до одной полосы, прижавшись вплотную к скальной стене, поросшей плющом и цветущими кустами белого жасмина. Слева за невысоким парапетом шумела изумрудная вода уединенной бухты Параджи, славящейся своим редким коралловым песком и абсолютной прозрачностью дна. Вода здесь была настолько чистой, что казалось, будто лодки парят в воздухе над белоснежным песчаным дном, отбрасывая четкие черные тени на глубину четырех метров.

— Смотри, Вера,— указал Лука вперед сквозь лобовое стекло.

За поворотом скалы, в глубокой естественной расщелине берега, показался высокий мыс с каменной башней маяка Фаро ди Портофино и зубчатыми стенами старинного замка Браун, утопающего в сосновой роще.

Скалистые берега, густо поросшие кипарисами, пиниями и вековыми оливковыми деревьями, образовывали узкий, защищенный от любых штормов вход в легендарную гавань. Вода здесь казалась неподвижным зеркалом чистейшей бирюзы, в котором четко отражались стройные мачты покачивающихся лодок и цветные рыбацкие домики, спускающиеся амфитеатром прямо к зеркальной кромке прибоя.

Лука припарковал автомобиль на тенистой стоянке у въезда в пешеходную зону городка, где высокие сосны дарили желанную прохладу.

Заглушив двигатель, он повернулся к Вере:

— Ну вот мы и на месте. Вдохни этот воздух.

Вера глубоко вздохнула.

Воздух Портофино был густым, прохладным и удивительно сладким: в нем переплетались ароматы цветущего олеандра, соленой морской глубины, свежей миндальной выпечки и просмоленных деревянных мостков. Это был запах тайны, которая ждала своего часа, чтобы открыться тем, кто пришел сюда с чистым и верным сердцем.

Ева нетерпеливо переступила лапами, готовая к знаком-

ству с новым берегом, и тихонько ткнула мокрым носом Луку в ладонь, приглашая следовать за ней.

Глава 4. Пьяцетта Портофино: соленый воздух и яркие фасады

«Цвет в Портофино оживает на штукатурке старых домов подлинным теплом ушедших поколений. Отражаясь в зеркале морской воды, каждый солнечный блик звучит здесь как тихая нота признания в любви».

Спускаясь по вымощенной серым песчаником пешеходной улочке, Вера затаила дыхание.

Внезапно тесный коридор между старинными четырехэтажными домами расступился, и перед ними открылась знаменитая Пьяцетта — маленькая полукруглая площадь, служившая сердцем Портофино на протяжении многих столе-

тий.

Здесь царила удивительная, почти сказочная гармония. Высокие узкие фасады рыбацких домов, выкрашенные в теплые тона жженой сиены, охры, розового коралла и бледной терракоты, плотно прижимались друг к другу, образуя живописный амфитеатр. На стенах многих домов виднелись искусные росписи в традиционной лигурийской технике тромплёй — нарисованные белые карнизы, причудливые гирлянды из морских раковин и даже иллюзорные окна с нарисованными цветочными горшками, создающие ощущение праздничной легкости. Их темно-зеленые деревянные ставни-персианы были распахнуты навстречу полуденному бризу, а на кованых балкончиках буйно цвели каскады алой герани и белоснежного жасмина.

— Знаешь, почему фасады выкрашены в столь разные, сочные цвета? — тихо спросил Лука, с нежностью взглянув на завороженное лицо Веры.— В старину лигурийские рыбаки красили свои дома в яркие контрастные тона для того, чтобы, возвращаясь из открытого моря в густом осеннем тумане или предрассветных сумерках, каждый шкипер мог еще за милю различить родной порог, где на окне теплится свеча любимой женщины.

У самой кромки гранитной набережной вода в гавани была настолько чистой и неподвижной, что казалась толстым слоем полированного изумрудного стекла.

В ней до мельчайших подробностей отражались разно-

цветные карнизы, покачивающиеся белые борта деревянных лодок gozzo и тонкие мачты парусников. На песчаном дне, на глубине нескольких метров, отчетливо виднелись круглые светлые голыши, пучки изумрудной морской травы посидонии и серебристые стайки любопытной кефали, кружившие возле просмоленных причальных столбов.

— Римляне называли эту бухту Portus Delphini — «Порт Дельфинов»,— негромко рассказывал Лука, ведя Веру за руку по прогретой брусчатке.— Из-за множества дельфинов, которые испокон веков заходили в этот закрытый залив во время осенних штормов. Скалы здесь устроены так, что ни один юго-западный ветер не может поднять в гавани высокую волну. Это идеальное естественное убежище, созданное самой природой.

Ева шагала рядом с Верой с грацией молодой черной пантеры.

Ее смоляная шерсть сверкала на солнце, шаг был пружинистым и уверенным. Местные жители и туристы, сидевшие за столиками уличных кафе под полосатыми маркизами, невольно провожали взглядами эту красивую пару: высокую, стройную светловолосую женщину в легком льняном платье и благородную черную кане-корсо с белой звездочкой на широкой груди.

Старый рыбак, сидевший на деревянном кнехте и чинивший шелковыми нитями зеленую сеть, приветливо приподнял соломенную шляпу:

— Белла рагацца, белла кана! Кане-корсо настоящей старинной стати, синьор! В наших краях таких собак почитают за честь. Они помнят старое море лучше многих нынешних капитанов.

Лука с улыбкой поблагодарил рыбака на звучном лигурийском диалекте и слегка приобнял Веру за талию:

— Видишь? Ева уже завоевала расположение местных старейшин. Рыбаки Портофино знают толк в верных друзьях.

— Здесь невероятный свет, Лука,— тихо проговорила Вера, не в силах оторвать взгляда от игры красок на водной глади. Ее пальцы машинально сжались, словно она уже держала в руках широкую акварельную кисть.— В Белла-Виста море открытое, бескрайнее и мощное. А здесь оно словно спряталось в каменную шкатулку, чтобы хранить тепло этих охристых стен. Я хочу написать эту воду сложной, живой гармонией — тончайшим переливом ультрамарина, изумрудного и капли прозрачного золота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.